

КШ266018

С. Видулов

**ХОРОШАЯ
БУДЕТ
ПОГОДА**

СП

С. Визулов

**ХОРОШАЯ
БУДЕТ
ПОГОДА**

СТИХИ И ПОЭМЫ

Советский писатель
Москва • 1961

СТИХИ

Друзья!
Деревенских идиллий
И сам я терпеть не могу.
Но вы по покосам бродили,
Вы спину хоть раз натрудили
С косой на заречном лугу?

Вы пили из речки с коленей,
За быстрым теченьем следя,
Хоть раз засыпали на сене
Под вкрадчивый шепот дождя?

О, тихие дождики эти,
Без луж на дорогах, без гроз!
Не те, о которых в газете
Заране дается прогноз.

Начнет он — не сразу расслышишь.
Вдруг капля слетит — замечай:
Как будто бы пяткой о крышу
Ударит комар невзначай.
Помедлит — и снова ударит...
А рядом начнут топотать
Четвертый, десятый комарик,
Пятнадцатый... Не сосчитать!

Лежишь, околдован, как сказкой,
Дождя комариною пляской
И запахом сена
Медовым,
Лежишь, не считая минут,
Доволен постелью и домом,
В котором нашел ты приют.
Скрипит полуночная птица:
«Спать, спать» — словно «баю-баю».
Тебе ж еще долго не спится,
Ты думаешь думу свою
Про то,
Что хлеба этим летом
Добры — колосок к колоску,
Что лучше, по многим приметам,
Живется теперь мужику.

Там, смотришь, утыканный мохом
Дом новый мелькнет на пути
(Вот с крышами, с крышами плохо —
В сельмаге гвоздя не найти);
А там, где тоскливо на посох
Клонилась изба бобыля,
Читальня, обшитая тесом,
Окно распахнула в поля;
А там частокол палисада
И яблонек строй у реки. . .

Пускай это все пустяки,
А все-таки сердцу отрада!

«Спать!» — снова, себя не жалея,
Надсадно скрипит коростель.

И веки твои тяжелеют.
Все глубже и мягче постель.
Ты валишься в сон, словно в воду,
Подумав, что завтра опять
Хорошая будет погода
И надо зарю не проспять.

ЖИВУ НА ЗЕМЛЕ

Как пращур камушки,
Ракеты
Швыряет в небо человек.
Какая тема для поэта!
Двадцатый век — великий век!
И мы не то чтоб перестали
Дивиться, но при всем при том,
Как о событии простом,
Мы говорим: «В Луну попали»,
Привычно в небо ткнув перстом.

И все-таки — великолепно!
Того и жди, что через год
Еще в одну планету вlepит
Железным камушком народ.
Народ не чей-нибудь —
тот самый,
Какому я принадлежу.
Так что ж я все-таки, упрямый,
Не в небо — на землю гляжу?
Печалюсь, если где-то что-то
Еще не так, как быть должно,
Тут не осушено болото,

Здесь осыпается зерно.
А там, за Тотьмой, бездорожье
Такое же, как в старину. . .

Да, это мелко и ничтожно
Пред попаданием в Луну.
Да, мало чести петь про это,
Когда над сказкой верх взяла
Мир изумившая ракета.

И я встаю из-за стола,
На перевернутой странице
Не написавши ни строки. . .
Весна на улице.
Дымится,
Оттаяв, матушка-землица.
Возле правленья мужики
Сидят,
Районную газету
И табачок пустив на круг,
И тоже что-то про ракету
И фантазируют и врут.
Каков, гадают над вопросом,
У марсианок внешний вид.
Но бригадир, окурок бросив,
Встает и вот что говорит:
— Довольно, кажется. Пора нам
Идти, пожалуй, отдыхать.
Луна Луной, а завтра рано
Нам Землю все-таки пахать. —
И целит глаз на тракториста:
— Не подведешь?

— Не подведу. —
И улочкою колеистой
Идет домой. И я иду.
Иду, ощупывая взглядом
Тропинку. Начало темнеть.

Я на земле живу. И надо
Мне все же под ноги глядеть!

ДОСКА ПОЧЕТА

В комнате, где косточки на счетах
Целый день ведут веселый бой,
На стене висит Доска почета,
Почему-то в рамке голубой.

А на ней, достойны преклоненья,
Женщины. Четыре поколенья!
На груди — то брошка, то медаль,
То и ничего.
А на коленях —
Руки.
Не последняя деталь!

Не в сиянье нимбов божьи лики —
Смотрят на меня с доски,
Всемогущи и велики,
Более, чем боги, —
Мужики!

Смотрит на меня сама Работа.
Светлая — к чему ей позолота,
Гордая — ее я понимаю,
Разбитная — все ей по плечу!

Вот она какая...
Я снимаю
Шапку перед нею.
И молчу.

ДЕРЕВЕНСКОЕ СОБРАНИЕ

Деревенское собрание
(Деревенское — заметь!)
Я люблю, скажу заране.
Я готов на нем сидеть,
Коль случится, до полночи,
До рассветных петухов,
Как над томиком не очень
Гладко сделанных стихов.

Коли добрая погода,
Полусонные с тоски,
На собрание приходят
Первым делом старики.
На порог садятся, на пол —
До собрания битый час, —
Молча скручивают в лапах
Чуть не сто сигарок враз.

Курят мирно. Ожидают
Баб — нельзя теперь без баб!
Ну, а тем напиться чаю
Прежде надобно хотя б,
Сделать кое-что по дому,

Коровешек подоить.
Кто их в этом деле, вдовых,
К слову, может заменить?

Наконец приходят. В кофтах,
Сшитых с милой простотой,
Не обижены ни ростом,
Ни, конечно, широтой.
И садятся: Марья с Настей,
Ладом, рядом — дочь и мать.
И верховный орган власти
Начинает заседать!

Ух, собрание! Негде плюнуть,
Негде яблоку упасть!
Но коль вздумать да подумать —
Потому оно и *власть*!
Тут речей не произносят,
Тут, коль надо, говорят,
Тут за правду — кровь из носа,
Тут в беде — за брата брат!

Как навалятся все вместе,
Как поглаживать начнут
Против шерсти, против шерсти —
Взмокнешь весь за пять минут!
Что ни худо, где ни слабо —
Виноваты мужики!
Ну и бабы, ох и бабы —
Жала, а не языки!

Председатель стукнет, брякнет
По графину, по столу:

Мол, давайте по порядку,
Мол, потише там, в углу!
Смолкнут резко «автоматы».
— Кто желает? — Тишина.
Смысла нет: у виноватых
Без того горит спина.

ДЕВЧАТА

А. Яшину

Сон свалил деревню. Поздно.
Спит зеленая страна.
Только месяц, только звезды
Да гармонь не спит одна.

Там девчата-хохотушки —
Гармонист у них в чести, —
Словно семечки,
Частушки
Сыплют под ноги друг дружке
До полуночи почти.

Что им сон — девчатам нашим!
Каблучками словно шьют.
От любви сгорают — пляшут,
От измены сохнут — пляшут,
И зимой и летом пляшут —
Как они не устают?!

А была война —
Плясали

Все равно и в дни войны.
Только парни были —
Сами,
И гармонии — тоже сами,
Сами — песельницы,
Сами,
Наконец, и плясуны.

Были болью, были мукой,
Не стихавшей ни на миг,
Эти песни о разлуке,
Эти пляски *«под язык»*.

Да и пели-то, признаться,
Для того лишь, может быть,
Чтобы вдруг не разрыдаться,
Чтобы в голос не завывать.

Злы и грубы были песни.
Пели так — и в этом суть, —
Чтоб врага не пулей если,
Так хоть словом полоснуть!

А хотелось песен светлых!
Но была без пареньков
Кладовая слов заветных
Заперта на семь замков.

Но они не потускнели
И не стерлись,
Те слова...
И победные шинели

Парни скинули едва,
Да оделись, помилашки,
Прибыв в отчие места,
В довоенные рубашки,
Вышитые ворота,
Да гармони, как когда-то,
Извлекли из сундуков, —

Оглушили их девчата
Дробью ловких каблуков!

И в отместку злому горю
Спели — кругом голова! —
Песни нежные, как зори, —
Отыскались те слова!

Зазвенели, запорхали
По селу: пришла пора.
Разноцветными мехами
Завздыхали вечера.

Половодьем песен этих
Ты, мой Север, и хорош!

Спит округа. Месяц светит.
Сны досматривает рожь.
Желторотые грачата
В гнездах спят,
И спят грачи
Возле гнезд...

Одни девчата
Ходят с песнями в ночи.

Ходят улицей знакомой.
И у каждой для дружка
Песен сто с собой
Да дома —
Под завязку — два мешка!

ВЕСЕННЕЕ

Знаю, гнутся спины почтальонов
От стихов весенних — тяжело.
Писем на столах редакционных
Целые сугробы намело.
Да беда: газета — не резина.
Может быть, и я стараюсь зря.
Полетит и мой стишок в корзину,
Скомканный рукой секретаря.
А наутро

                                только дым да копоть
От него. И все ж мне не до сна,
Потому что чую — вышла топать
Необыкновенная весна.
Молода, решительна, бедова,
На плече широком — свой аршин.
Здравствуй же, веселая обнова
И земли, и неба, и души!
Чем ты обернешься —
Зорькой алой,
Перещелком птиц из края в край?
Этого, по совести, нам мало.
Нам гектары пашни подавай,

Нам дожди ко времени,
чтоб всходы
Зеленели, душу веселя,
Чтобы пот пролившему народу
Все, что может дать,
дала земля!

СТРАДА

«У бога дней не решето», —
Гласит пословица.

Зато
Всего лишь горстка малая
Их у весны. Сойдут снега —
И брызнут зеленью луга,
И, покуражась, в берега
Вода вернется шалая.

И грянет вешняя страда —
Пора крестьянского труда,
Тяжелого, извечного.
Пора, когда гудит спина,
Как телеграфная струна
От ветра поперечного.

Пора, когда с утра жара,
И пашут, в мыле, трактора.
Когда минутам даже счет!
Пора давно не бритых щек
С соленым иньем у виска,
Как у бойца после броска,

Страда — обед накоротке
И сон — башкой на кулаке
Там, где присел, не сняв сапог. .
И что там бог! Какой нам прок
С того, что у всевышнего
Не решето в запасе дней,
Когда у нас в страду, ей-ей,
Ни дня, ни часа лишнего.

ДРУЖКИ

Я ночь пахал и день пахал
И вновь рычаг верчу.
Я, черт возьми, не отдыхал
И очень спать хочу.

Я знаю, что такое труд.
Но я не знал, ей-ей,
Что веки могут весить с пуд,
А то и тяжелей.

Мотор гудит. Башка гудит.
Сильней гудит башка.
Ругаю на чем свет стоит
Я своего дружка.

За то, что нет глотка воды,
А жажда сушит рот,
За то, что он в разгар страды
Жениться вздумал, черт!

Да, да — жениться.
Есть одна
В селе девчонка — звон,

Не знаю я, в уме ль она,
Но ясно — спятил он.

Еще все дело впереди,
Еще пахать, пахать...
Но я ему сказал: — Иди!
И перестань вздыхать!

Вторая ночь. Второй рассвет
Спешит по полосам.
И мнится мне, а может, нет,
Что я железный сам.

Во мне взрывается бензин,
И бодрствуют во мне
Полсотни лошадиных сил,
Рожденные в огне.

Иду, дымя и грохоча,
Туман в глаза течет.
А он, наверное, сейчас
Ее целует, черт.

Прилип — водою не разлить,
Сошелся клином свет.
Эй, перестань меня дразнить!
Ты слышишь или нет?

И я не прочь свою обнять,
Я обещался ей.
Но не привязывать же стать
Полсотни лошадей,

Когда земля поспела вся
И сеятеля ждет...

Заря, как рыжая лиса,
Из-за лесов ползет.
Ползет. А сон свое берет.
Темно в глазах моих...

Но кой там дьявол рот дерет!
А-а, это ты... жених.

ВЕСЕЛАЯ РУКА

Ударил сок живительный
В оттаявший сучок,
И лопнул клейкой почечки
Ядреный кулачок.

И в небо сине-синее
Над полою водой
Не лист березка вскинула —
Расправила ладонь,

С прожилками, зеленую,
Негромкую пока...
Ах, до чего у дерева
Веселая рука!

Шершавая — не нежена! —
Зубчатое ребро...
То щедро сыплет на землю
Дождинок серебро,

То синь начнет процеживать,
То солнечный песок,
То влепит ветру шалому
Ладошкою в висок!

И вся как откровение
Березка на ветру.
Ее, как друга старого,
Я за руку беру.

ПОГОЖЕЕ ЛЕТО

Беды не придумаешь хуже —
В страду заболеть мужику.

Слег Осип. Всерьез занедужил.
Не то что поестъ — табаку
И то не желает. На стуле
Лежит без потребы кисет,
А рядом пилюли, пилюли. . .
Аж тошно глядеть — лазарет!
И встал бы, да нету силенок.

А день разгулялся давно
И плещет зеленым-зеленым,
Веселым-веселым в окно.
И явственно с поля доносит
Натруженный рев тракторов.

Лежит, сокрушается Осип:
Все в поле, а он нездоров.
Все в поле — и, значит, работа
Идет. Да не легче с того.
Томит, как бывало, забота
Крестьянскую душу его.

Никто не зайдет — до него ли,
Больного, соседям теперь.
Лежишь — и лежи, коли болен. . .
Но — что это? — скрипнула дверь.
— День добрый!
— Здорово, Никола.
— Болеешь?
— Болею, брат. . .
— Зря. —
Негромок участливый голос
Партийного секретаря.
С улыбкой присел у кровати,
Поправил подушки, тюфяк.
— Скучаешь, наверное?
Кстати,
А я ведь зашел-то не так.
Да ты не волнуйся. . . Награду
Тебе присудили. Гляди! —
И вынул флажок. — За декаду
Ты, Осип, ты, черт, впереди.
Спасибо тебе! Да лежи ты. . . —
А Осип, как будто в дыму,
Вдруг вспомнил
Все, что пережито,
И силы вернулись к нему.
Нет, он от колхоза не бегал,
А всяко бывало порой:
И хлеб оставался под снегом,
Коль год выдавался сырой,
И скот без кормов
С середины
Зимы. . . А весна далеко.

Солому снимали с овинов —
Какое уж там молоко!

И все-таки теплилась где-то
Под сердцем надежда, что вот
Погожее выпадет лето
И снова колхоз заживет,
Поправится, лучших догонит...

И он не случайно сейчас
Спросил, согревая ладони
В багровом огне кумача:
— Как сев-то? —
Тревожно и строго
Спросил. И когда секретарь
Сказал, что осталось немного,
Что сеяли лучше, чем встарь,
А руки —
Их больше не стало,
Все те же — считай не считай! —
«Погода не та!» — прошептал он.
И понял его секретарь.

Рассыпались по заулкам в страхе
Девки бледные, друг друга торопя.
И трещали белые рубахи,
А еще трещали черепа.
Но гуляли парни — по колено море! —
Вдоль деревни, с гиком,
От избы к избе...
Пьяный чад, ты с детства был мне горек,
Я б не вспомнил даже о тебе,
Если б не пришлось в родимом крае
Побывать недавно снова мне.
Молодость —

она не умирает!

Улицей, с гармошкой на ремне,
Вот она идет —

все та же вроде.

Только нет, не та она, не та.
У нее иные песни в моде,
У нее иная красота!
Трактористы brave толпою
(Ничего, что руки добела
Не отмыты — время-то какое!)
С песнею проходят вдоль села.
Агроном с учителем на пару
Против двух студентов, до кино,
Возле клуба режутся с запалом,
Режутся бескровно в домино.
Мне такая драка

душу тешит.

Я и сам не прочь еще, не прочь
Дать мячу пощечину, чтоб здешним
Выиграть сражение помочь.

Наши парни,
                                право же, не очень
От иных завятых отстают.
И танцуют так же, между прочим,
Только узких брюк не признают.

БАНИ ТОПЯТСЯ

Как под праздник,
разом все
в огородах бани топятся.
Мужики домой торопятся:
наконец-то кончен сев!

Не грешно после страды
и попариться маленечко. . .
— А готовы ль, женки, венички?
А наношено ль воды?
Нам бы в баньку прямиком. . .
Десять дён, а может, более
умывались потом в поле мы,
утирались ветерком.

Пышут жаром у реки
бани. Веники окачены.
И штаны, в земле испачканы,
скидывают мужики.
И, нырнув в жару, рычат,
чешут спины просоленные. . .
Как взрывчаткой начиненные,
камни в каменках трещат.

Ковш, еще два ковшá
с ходу опрокинуты.
Веники вскинуты:
— Оттаивай, душа.
Ух, как хорошо!

На полкѣ устроился
и пошел, и пошел —
выше, ниже пояса...
А пар клубится
вокруг мужика.
— Подайте рукавицу,
не терпит рука!
Ах, любо-милó!

А тело, ей-ей,
семейного мыла
уже красней.
Но буйствует веник,
но веник сечет:
вставай на колени,
сдавайся, черт!
И жжет, и кусает
и грудь и бока,
и на пол бросает
с полка мужика.

— Ништо, отлежится.
Откройте-ка дверь.
Ему еще мыться,
тереться теперь.
Мазутные пятна

с мозолистых рук
и в бане, понятно,
отмоешь не вдруг. . .

Пышут жаром у реки
бани. Мыло в шайках пенится.
Спины трут себе, не ленятся,
трактористы в две руки.

Поперек и вдоль сто раз!
По домам идут, как новые.
Там их ждут — давно готовые —
самовары на столах.

СТРОКА МОЯ...

Колхозный радиоузел. Черемуха у окна.
Дерёвенка в два посада. И вечер. И тишина.

Я должен пред микрофоном стихи прочитать
сейчас.
Листаю страницы книжки, волнуюсь, как
в первый раз.

Не область меня услышит и даже не весь
район —
Всего деревень пятнадцать, в лесах с четырех
сторон.

Но в каждой из них я, может, не раз ступал
на крыльцо,
И многих — не понаслышке — я знаю давно
в лицо.

Вернулись, должно быть, с поля они с полчаса
назад,
И руки их на коленях, не мыты еще, лежат.

И зноем, и ветром пахнут, и черной землей
полос,

Лежат, расчесать не в силах прилипших
ко лбу волос.

Я вижу их, землеробов. Разувшись через
порог,
Они к самоварам сели, коль водится
сахарок.

И пьют, наливая в блюда, и лбы рушниками
трут...
А время идет: осталось не более трех минут.

Что мне прочитать такое, чтоб в избу вошел
мой стих,
Как запах от каравая, что корочкою
хрустит.

Вошел, как сама усталость, как гул посевной
страды,
Как женщина входит в избу с ведром
ключевой воды.

Как добрый сосед заходит по делу, а то
и нет.
И в доме по-русски просто кивают ему
в ответ.

Его угощают хлебом, ему наливают чай...
Но щелкнул включатель. Время.
Строка моя, выручай!

ПЕСНЯ О ДРУГЕ

Ивану Шилову, кузнецу

Мы с тобой и в самом деле
Много соли вместе съели.
Много вместе на веку
Искурили табаку.
И, едва подсохнут лужи
На дорогах,
Снова я
По веленью старой дружбы
В наши трогаюсь края.
Любо в кузнице просторной
Мне, прибыв издалека,
Постоять с тобой у горна,
Прикурить от уголька.
Расстегнуть рубахи ворот
И, загнувши рукава
До локтей,
Обрушить молот
Тяжело — и раз, и два...
Бить, не выступит покуда
Пот горячий на спине.

Я об этом не забуду.
Впрочем, речь не обо мне.

1

Подле речки, там, где ивы
Ловят в струях голавлей,
Ты идешь неторопливо
С полным кузовом углей.
Вспоминается болото...
В сорок памятном году
Там лежал ты с пулеметом
В атакующем ряду.
Бил и бил неустомимо,
Чудом целый и живой
В пекле том.

Но взвыла мина
Над твоею головой.
И, задев верхушку елки,
Полыхнула жаром вниз.
Глубоко ее осколки
В тело белое впились.

Эта порция металла
Не была тебе мала.
Смерть тебя уже пытала —
Вынес. Жизнь свое взяла!
Подлечился — и в дорогу,
К детям, к женке поспешил.
И принес к ее порогу,
Кроме праведной души,

Два захватанных, бесплатных
Деревянных костыля,
Да шинель, да дух палатный
От казенного белья.

Ох, была нележкой встреча.
Жгли махорку старики
Да тужили... да весь вечер
Женки плакали в платки.

Детвора глазела с печки.
И сидел ты — не герой,
А всего солдат увечный —
Перед этой детворой.

Что к чему — ребята знали!
Убеди-ка их поди,
Что герой ты, коль медали
Не бряцают на груди.

Спорить с этою ватагой
Было попросту грешно.
(Да, не мало за отвагу
Храбрецов награждено.
Только, может, больше втрое —
Ведь сражение не парад! —
Незамеченных героев,
Неполученных наград.)
Впрочем, нет, не о наградах
Ты печалился в ту ночь:
Шла война, и было надо
Чем-то женщинам помочь.

Так и этак толковали,
Но клонили к одному:
— Коли можешь, поковал бы —
В поле ты нам ни к чему.
— Что ж, — ответил, — ваша воля.
Не болела бы нога. . . —
А уж так хотелось в поле,
В рожь высокую, в луга!

Посевная, посевная,
Небо — чашей голубой.
Сторона моя родная,
Вновь я встретился с тобой!
Опьяненный ветром вешним,
Тропкой к кузнице иду.
— Дядя Ваня, друг сердечный,
С добрым утром! Честь труду!

Мы, конечно, оба рады
Новой встрече: минул год.
Нам, пожалуй, сесть бы надо,
Покурить. . . Но у ворот
Трактор, в копоти, в автоле,
Молчалив и зол на вид,
Одинокой фарой в поле
С нетерпением глядит.
И пока его ты чинишь,
Примеряешь там да тут,
Словно низшие по чину,
Кони очереди ждут.

А до кузни утром ранним
Долетает с белых мхов
Свадебное бормотанье
Лирохвостых женихов.
— Дядя Ваня, — говорю я, —
Слышишь, вся земля гудит! —
Сокрушаясь и горяя:
— Слышу, парень, — говорит.
Намекаю осторожно:
— Может, сбегает на ток? —
Он в ответ: — Оно бы можно...
Сам о том грущу, браток.
Знаю, срок настал, не рано.
Да ведь как уйдешь? Дела!
Да к тому же, парень, рана
На ноге не зажила. —
Я краснею перед другом
И, смущен, молчу. Шабаш!
И висит, набитый туго,
Бесполезно патронташ.

■

Целый день над наковальней
Ты вздымаешь молот свой,
Ты хотя не идеальный
Для меня, а все ж — герой!
Знатокам иным в угоду
Я бы мог сказать о том,
Что ты пьешь одну лишь воду,
Кипяченую притом.
И что ты в ладу с культурой,

И нередко в поздний час
Засыпаешь над брошюрой,
Благо — их полно у нас.
Ходишь в клуб с женою вместе,
Далеко глядишь вперед.
Но бывает, коль по чести,
Чаще все наоборот.
Не хочу тебя обидеть
Ложью: ты и так хорош.

На порошке кузни сидя,
Я гляжу, как ты куешь.
Вскинешь молот зло и быстро:
Гха! — и влепишь по бруску.
Словно пули, брызжут искры,
Пот струится по виску.
И летит от наковальни
Вдаль и ввысь, под облака,
Молодое кукованье
Работяги-молотка.
Варят сталь мартены где-то,
Где-то в космосе, похож
На далекую планету,
Спутник мчит...
А ты куешь!
Где-то люди, суесловя,
Начиня ядом ложь,
Бомбы новые готовят
На тебя...
А ты куешь!
Руки — сильные на диво,
Как кувалды — кулаки.

Ты куешь — и зреют нивы!
Ты куешь — гудят станки!
И луга цветут. И птицы
Гнезда вьют в родном краю...

Я в твоём широком взмахе
Нрав России узнаю!

И МОЯ ЗАСЛУГА!

Позволь отдать тебе поклон,
небесное светило,
за то, что в этот год теплом
ты нас не обделило!

Гляжу, идя вдоль полосы,
с каким усердьем в час росы
твои лучи-пройдохи
пшеницу тянут за усы
и за уши горохи.

Как, днем погожим дорожа,
лен загулял на круче,
как, кверху бороды держа,
от рубежа до рубежа
поднялся клевер, тучен.

Да и в саду
с тобой в ладу
дела идут блестяще.
На редкость в нынешнем году
ты, солнце, работаешь!

И в том, что нива не пуста,
что небывало рожь густа,
что тянет медом с луга,
твоя, конечно, доброта,
но... и моя заслуга!

Ого, вставал я сколько раз,
когда еще ты спало,
пахал уже, когда ты глаз
еще не открывало!

И в час, когда ты на покой,
устав, за лес валялось,
вовсю еще я за рекой
работал, ваша милость...
И как работал!

Неспроста
в полях такая красота!
И за красу такую
дай, брат, в горячие уста
тебя я поцелую!

КЛЕВЕР

Клевера в соку и силе.
Поглядишь вперед, назад —
Фиолетовым и синим
Нестерпимо бьет в глаза.
Вширь и вдаль неудержимо
Расплеснулись, разлились!
Как зеленые пружины,
Стебли сладкие сплелись.

До чего густы! Пospели.
Упади на ярь стеблей,
Как на собственной постели
Можешь выспаться, ей-ей...

В солнце маковки и в росах.
Пчелы мед из них сосут.

Притупившиеся косы
Косари домой несут.

КНЯЖИЦА

Когда наступает
Хлебов косовица,
В лесу поспевают
Княжица, княжица.

Ах, что за услада,
Утеха для взгляда,
Вкуснее и слаще
Малины из сада!

Коль женщины наши
В лесу сенокосят,
Для Танек, для Яшек
Княжицу приносят.

Зеленые листья,
Багряные кисти
Сверкают десятком
Рубинов лучистых.

Княжица, княжица —
Лисичкин подарок!
Мальчишечьи лица
Светлеют недаром.

Княжица, княжица —
Не зря говорится.
Ее, зная, растила
Княжна иль царица.

Растила до срока,
Росой поливала,
Чтоб полнилась соком,
Скорей созревала.

Как хвоя ресницы
У этой царицы,
А щеки, а губы
Румяней княжицы!

Лесные владенья ее
Не обмерить.
Ей служат с раденьем
И птицы и звери.

И, может, лисица
Там главный садовник.
Кистями княжица
Ложится в ладони

Не как угощенье
Для Мишки иль Васьки,
А как продолженье
Задумчивой сказки.

ПО ЯГОДЫ

Матери, Екатерине Васильевне

О, это праздник бабьего набега
За клюквой
  на болото Журавли!
Корзины грудой сложат на телегу,
Мешки в корзины бросят — и пошли!
Длинна-длинна дорога до болота,
Да не скучна. . . Идут у колеса
И языками будто бы молотят,
Пересыпая смехом голоса.
И столько тут отчаянных да храбрых,
Готовых правду резать напрямки:
Мол, что ж мы смотрим,
Что ж мы терпим, бабы,
Опять всю власть забрали мужики!
Мы с вилами — они с карандашами,
Мы с ведрами — с кисетами они. . .
Да что ж мы, бабы, хлопаем ушами,
Не бережем, не ценим трудодни?
Всё мы да мы, какая ни работа!
Пора приструнить крепко мужика!

Нет, не длинна дорога до болота,
А с разговором

даже коротка.

И вот уже разобраны корзины,
Подоткнуты подолы высоко,
И зубчатая, в елочку, резина
Уже следы печатает легко
На мху,
Где клюква, словно на подушках,
Лежит, как «буби-козыри»,

красна.

И оставляют женщины друг дружку,
И сразу наступает тишина.
Широко разбегаются —

в расчете

Скорей («Гляди, чтоб кто не перебил!»)
Найти такое место на болоте,
Где ягод — хоть лопатою гребь!
Не жадность подгоняет: знают твердо,
Что хватит ягод всем в болоте,

но

Отстать от прочих собственная гордость
Не позволяет!

Сыплются на дно,
Подпрыгивая, мокрые рубины...
Но дрогнут руки вдруг в минуту ту,
Когда глухарь

чуть нё из-под корзины

Взлетит, как леший,

с ягодой во рту.

— Фу, дурень экой! — провожая взглядом
Шальную птицу, женщина вздохнет.

И вновь берет.
И вот уж полон ягод
Мешок.

И кто-то голос подает.
— Ау, ау! — из глубины болота
Доносится. — Ау! — звенит в лесу.
— Пошли домо-ой!! — зовет чуть слышно
кто-то.

А кто-то ближе: — Ой, не донесу.
Ой, родненькие, лопнет поясница...
— Убавь, — кричат, — козь ноша велика!

А на дороге старичок возница
Уже в оглобли ставит меринка.
И, глядя, как с мешками на дорогу,
Шумя, выходят женщины, ворчит:
— Ой, бабы, бабы... Глупые, ей-богу!
Набрали — мужику не утащить!

Заборист, пахуч самосад-табачок!
Так с трубкой в зубах и встает мужичок.

Чего-то попьет, пожует на ходу
(Известно, как дорого время в страду!) —

И в поле, взяв трубку с собой да кисет...
Родится ж такой «торопыга» на свет!

Однажды, едва он засел за обед,
В окошко к нему постучался сосед:

«Пожар, понимаешь... беги! — говорит. —
Овин у тебя, понимаешь, горит!»

Мужик поперхнулся, в окно поглядел,
Остаток похлебки из блюда поддел,

Подумав: «Беда-то какая опять».
И трубку достал: «Закурить — да бежать».

Народ за деревню, к овину народ,
А он еще только с ведром в огород.

Воды зачерпнул, прибежал. Посмотрел —
Овина-то нету... Сгорел!

Я вспомнил о нем, просидевши вчера
В прокуренном доме часа полтора,

ВЫБИРАЛИ ПАСТУХА

Шло собрание бригады.
Споря, злясь — не без греха —
Выбирал народ завстадом,
А короче — пастуха.

Знали, Власа ставить надо.
Нет способней мужика.
Коли он возьмется — стадо
Даст прибавку молока.

Уговаривали Власа
Всей бригадой больше часа.
И добром и лихом — всяко.
Сдался!
Но, возмущена
Малодушьем Власа,
В драку
За него пошла жена.

Встала, вытянула шею
Над собраньем, словно гусь:
— Знайте, вашему решению
Я умру — не подчинюсь!

Разбегусь и брошусь в омут —
Не приму позор такой.
Эко выдумали! Что он,
Дурачок, мужик-то мой?
Зимогор али калека?
За какие же грехи
Через силу человека
Отдаете в пастухи?
Не согласна! Протестую!
Бригадир, имей в виду.

— Протестуешь? —

встал со стула

Тот. — Ну что же... Сам пойду.
Добровольно — слышишь, Анна?
Принимаю твой позор
На себя!
И завтра рано
Самолично с барабаном
Выйду. Кончен разговор!

Ох уж бабы погалдели,
Посудачили в ту ночь!
Можно было б в самом деле
Воду в ступе истолочь.

А на зорьке, после дойки,
Из-за фермы выйдя вдруг,
Барабан рассыпал бойко
Дробь упрямую вокруг.
И пошел, в себе уверен,
По траве по мураве.

Лицемерить не намерен,
Встал у стада во главе.

Со сторонки глянув, бабы
Улыбнулись от души:
— Больно ловко барабанишь,
Петр Иванович, хоть пляши.
Любо — сам себе полковник,
Мило — сам себе оркестр!

Навалясь на подоконник,
Анна глянула окрест:
— Кто бы это? Неужели
Впрямь мужик сошел с ума?

И едва на самом деле
Не рехнулась тут сама.

МАТЬ И ДОЧЬ

Прибежала с работы
в йзбу, как на пожар.
Пить до смерти охота,
надо греть самовар.
Надо... Только Алене
не до чаю пока:
под окошком теленок
клянчит: да-ай молока...
Во дворе у калитки
коровенка мычит,
в стайке, как недобитый,
поросенок кричит,
овцы где-то пропали,
а на улице ночь...

Злится: пальцем о палец
не ударила дочь!
Кличет: — Зойка! Зоюшка! —
распахнувши окно.
А Зоюшка с подружкой
убежала в кино.
Ни к чему-то у девки
душа не лежит.
Как заслышит припевки —
бросит все, убежит.

Да подальше от дому
норовит: «Веселей!»
Горе с дочкой: чужому
порадеет скорей!
Обругаешь —
упрямо
отвечает одно:
— Жить по-вашему, мама,
в наше время — смешно.
Глянь, что пишут в газетах
к коммунизму идем!
Вам же —

только и света
что в хозяйстве своем.
Вам кусок бы поболе
да покрепче запор. . .

Ох, обиден до боли
бабе этот укор!
Потому-то Алена
каждый раз и ворчит. . .

Все еще не доёна,
коровенка мычит.
Подхватила подойник —
и во двор. . .
В кулаки
зажимая ладони,
потянула соски.
Вжик! . .

— Да стой же ты, дура! —
Тихо, мирно кругом.

Но Аленина дума
о другом, о другом.
Сена нет для коровы...
Сердце вот как болит!
— У-у, чурбан непутевый! —
бригадира бранит. —
Что бы дать хоть немножко
покосить... Ни стожка,
ни единой копешки
за душой ведь пока.
Зиму долгую снова
пробивайся как хошь...
Не вести же корову
в самом деле под нож!

Репродуктор рокочет
в доме.
В клубе кино
началось уже...
Впрочем,
ей не все ли равно!

ШЕФЫ ПРИЕХАЛИ

Всё!
Хозяйственный год
завершен.
Вдохнул народ!
В воскресенье — собрание,
на повестке дня — отчет.
Накануне получили
за три месяца аванс.
И с утра
                    по той причине,
протерев глаза, мужчины
налегали на квас. . .
Было муторно, хоть вой.

И вдруг — не потеха ли! —
на машине грузовой
шефы приехали.
Развернули буфет.
И чего в нем только нет:
булки, пряники, печенье,
ворох штучных конфет!
А еще три бочки пива
вологодского разлива.

А еще вино «вермут»,
как его прозвали тут...

Женки млеют в радости,
покупают сладости.
Покупают, не скупятся —
делятся с подружками.
А мужья в углу толпятся —
пиво дуют кружками.

Через час на скамьях
сонно, блаженно:
дым-туман в глазах,
в головах брожение.
Председатель жуёт
цифры монотонно
про удой, про помет
в килограммах, в тоннах.
Лыко всякое в строку
ставит, как может:
— Отстаем по молоку.
А по мясу... тоже. —
Пьет, потеет: нелегко!
Вот уж больше часа
мямлит: мясо, молоко,
молоко да мясо.
И ни слова о судьбе
женщин, ни полслова!
Словно сами по себе
доились коровы.
Что бы взять да с горы
поклониться лучшему...

Или ставились дворы
по веленью щучьему?
Нет! Свои молодцы —
хорошо ли, плохо ли —
вон какие дворцы
для коров отгрохали!
Да, дворцы! Для коров!
Не жалели топоров,
хоть и знали: протекают
крыши собственных дворов.

Но докладчик, как назло,
погонял числом число...
Через скуку эту
баб на сон повело,
мужиков — к буфету.
Хорошо расправить тело,
выпить кружку про запас.
Хорошо, что шефы делом
помогнули в этот раз!
В коридоре шум...
А в зале —
тишина на зависть.
Видно крепко задремали
те, что там остались.
И не диво: там — доклад,
тут — уже дебаты.
Уверяет свата сват:
— Председатель виноват,
мы не виноваты. —
А доярки — кто кого,
не поймешь ничего.

То ли хвалят, то ли хают
бригадира своего.
Старики в стороне,
захмелев, о трудодне
развернули пренья. . .
Но их речи, право ж,
не
для стихотворенья.
Бабы им, болтунам:
— Что вы расшумелись?
Шли бы лучше по домам
да на печках грелись!

— Далеко до утра, —
говорят. Трещит махра.
Ох, добра у шефов будет
нынче выручка! Добра!

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ

Речушку неглубокую
Перемахнувши вброд,
Забрызганный, под окнами
Взревел и встал как вкопанный
Районный вездеход.
Старухи, озабоченно
Взглянув из-под руки,
Сказали: — Полномоченный, —
Ломая языки.
И деды с этим мнением
Согласны были тож. . .

Вот он вошел в правление,
Повесил макинтош,
Платочком вытер лысину
И — за рога быка:
— Я к вам, Иван Анисимыч,
По части молока.
Нехорошо, душа моя,
Снижаешь, брат, удой.
А мог бы, это самое. . .
Работник молодой.
Притом в наличие концентрат
И грубый корм имеется.

Пойдем-ка, что ль, на фермы, брат,
Посмотрим, что там делается.

Шел, отмечая важные
Просчеты,
Поглощен
Коровами фуражными,
Телятами еще.
Заглядывал в безгрешные
Глаза телят: — Ну как?
Ну, как вы тут, сердешные?
Замерзли, вижу. Факт! —
Выспрашивал, выпытывал
У мокрогубых: — Сыты ли? —
Ласкал их и чесал.
И с детским умилением
Следил за их поением
И все писал, писал. . .
Что *над* и *под*

коровами

Имелось, отмечал.
Доярки с ним здоровались —
Не замечал.
В минуту подходящую
Ронял, нахмутив бровь,
Слова руководящие
И принимался вновь
Беседовать с коровами,
Оглядывать быка. . .

Он был командированным
По части молока!

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

— Уезжаешь?

— Уезжаю.

— Тесно, что ль, в родном дому?
Хоть убей — не понимаю,
Уезжаешь почему!

Злясь, четвертую сигарку

Бригадир свирепо жег,

Уговаривал доярку,

Отговаривал, как мог:

— Без стыда ты, Анка!

Разве

Я тебя не уважал?

Или заработок мал?

Или не в чем выйти в праздник?

Иль в душе запал пропал?

Уезжать в такое время —

Все худое позади!

Ты сама-то посуди:

Получила десять премий,

Двадцать, может, впереди! —

Повернулась к бригадиру,
Чемодан толкнув ногой:
— Ты меня не агитируй,
Бесполезно, дорогой!

По избе как ветер дунул —
Шаль рванула со стены:
— Понимаешь, зря ты думал,
Мне не премии нужны,
Не наряды... Что в них толку?
Перед кем, позволь спросить,
Этим штапелем да шелком,
Уважаемый, форсить,
Коль в деревне, не соврать бы,
Нет гармонии ни одной;
Коли праздники и свадьбы
Нас обходят стороной?
Клуб у черта за болотом,
Нет отрады никакой...
Надоела не работа —
Скука! Понял, дорогой?
Да притом я не старуха
И как будто не урод,
Чтоб остаться в вековухах
Из-за премий ваших. Вот!

Бригадиру даже жарко
Стало. Пятую цигарку
Завернул и прикурил.
И не глядя на доярку:
— Ты права... — проговорил. —
Ты права! И все ж рисково

Поступаешь. Посуди:
Женихи-то дома скоро
Будут... Слышала, поди?
Свадьбу справим, да такую,
Что одна на белый свет!

— Вот тогда и потолкуем.
А сейчас охоты нет...

Встала возле чемодана.
— До свидания! — И вдруг —
Опустилась. Зарыдала.

Бригадир вздохнул устало,
Смял цигарку о каблук.

В ГОРОДЕ

Мать приехала в город к сыну.
Нет, не в гости на этот раз.
На высокий этаж насилу
С сыном под руку поднялась.
Полпролета пройдет — и станет,
Воздух меряя на глотки,
Не снимая с перил усталой,
В синих жилах, большой руки.

Глухо сердце больное билось,
А ступеньки все вверх вели.
И чем ближе до неба было,
Тем все далее до земли,
По которой,
                                чтобы скорее,
Столько хожено босиком...

Как же жить ей теперь
Над нею,
Словно облако, высоко?

И едва отошли морозы,
Стало солнышко припекать,

«Что-то в нашем теперь колхозе? —
Вслух однажды вздохнула мать.
К шуму города безучастна,
Стала тихой — не ест, не пьет.
Словно старую птицу,
Властно
Потянуло ее в отлет.

Сын балкон распахнул:
Гляди, мол,
Мама, город растет какой!
Талым снегом пахнуло,
Дымом
Домен, выросших над рекой.
Небо заревом полыхало.

И сказала она в ответ:
«Пароходы пошли, слыхала...
Ты б купил мне, сынок, билет».

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

М. Дудину

В день святого Пантелеймона
(Впрочем, тут ни при чем святой),
Повернувшись спиной к иконам,
Пили женщины — дескать, что нам! —
Мутной браги хмельной настой.

Угощали друг друга рьяно,
Грубо, попросту, по-мужски.
Пели звонко, плясали пьяно
И смеялись до слез. С тоски.

А тоска велика, без меры.
Встанут в круг, подперев бока, —
Сами дамы и кавалеры,
Ни единого мужика.

Ну, хотя б один завалящий,
Даже пусть инвалид какой.
Покурил бы, коли курящий,
Уцелевшей обнял рукой. . .

Нету! Даже за гармониста
(Научила всему нужна)
Тоже баба — толстушка Христа,
Радость горькая и беда.

Ах, и что за гармонии были
Раньше — Христиной ли чета!
Где те парни? Одних убили.
А другие совсем забыли
Эти северные места.

Пляшут женщины: — Ах вы, сени!
Пой, тальяночка, норови! —
Шумно в горнице, а веселья —
Нет веселья, хоть впрямь реви.

Может, с песнею вдоль посада
Им пройти бы — рука в руке —
И себя и свои наряды
Показать бы — да перед кем?
Ходят улицей, крутозобы,
Только куры да петухи. . .

Скучно: где же вы, хлеборобы?
Трудно: где же вы, женихи?

1947

В ДОМЕ ОТДЫХА

— Все же вспомнили старика! —
Крякнул конюх, захлопнув двери.
На крылечке, ушам не веря,
Развернул документ в руках.
Буквы в памяти вороша,
По складам прочитал: — Пу-тев-ка. —
И, с крылечка нырнув в потемки,
Вдоль деревни направил шаг.

В избу весел вошел и горд.
Но, раздевшись, сказал степенно:
— Собери узелок, Елена.
Еду утречком. На курорт.
— Печка теплая — хоть сейчас,
Коли вздумалось, можешь ехать. —
Бабку аж затрясло от смеха.
Не поверила.
А Тарас
Понял это совсем не так:
— Что же, я недостоин, стало?
Аль еще поработал мало? —

И обрушил на стол кулак.
И пошел задаваться дед
Перед бабкою — нету сладу.

— Я ль не я выручал бригаду,
Звери-лошади, десять лет!
Я ли сбруей не дорожил,
Я ль к коню подходил без ласки!
Так ужель от колхозной власти
Я спасибо не заслужил?

А курорт в двадцати верстах
Был всего лишь — подать рукою.
Бором славился да рекою,
Очень тихою в тех местах.
Дед добрался туда за час.
Сунул рубль за проезд в кабину,
Попрощался. И жизнь-малина,
Как считал он сам, началась.

Сразу в бане помылся дед.
Баня жаркой была, признаться.
Только веничка похлестаться
Не нашлось. Да уж нет так нет.
Возвратился — зовут за стол,
Чай несут, пироги с начинкой.
А Тарасу бы четвертинку,
Или граммов хотя бы сто.
«Год не пей, — золотой совет, —
Два не пей, но уж после баньки
Для здоровья, не ради пьянки,
Выпей!» — вспомнил при этом дед.

А хозяевам ни к чему. . .
В белых чепчиках да халатах
Отвели старика в палату.
— Отдыхайте, — велят ему.
Лег. Да где там! Заснуть не мог.
«Неужели при коммунизме
Вот такая и будет жизнь?» —
Думал, глядя на потолок.

День прошел. И второй,
Длинён
От безделья и даже скучен.
Монастырской тоской измучен,
Ночью конюх увидел сон,
Будто корма иссяк запас,
Будто сбруя вконец разбита. . .

Утром не было аппетита,
Окончательно сник Тарас.
Сам «культурник» его таскал
И в кино, и на танцы в клубе.
Но не шла, хоть убей, на убыль
Сногшибательная тоска.

Вместо отдыха как-то раз,
Распорядок нарушив строгий,
Не без умыслу на дорогу
Прогуляться пошел Тарас.
Было холодно. Сиверок
Дул, и сосны шумели глухо.
Вспомнил: «Валенки у старухи
Не подшиты. А мог бы, мог».

И решил: «Передам наказ,
Чтоб сюда прислала с оказьей».

По дороге,
                    заляпаны грязью,
Шли подводы домой как раз.
Погоняли коней сплеча
Два курносых молокососа.
Тяжело вертелись колеса,
По камням в колее стуча.
На опавших боках коней
Шерсть блестела, в поту и мыле.
Будто их три дня не кормили
И не чистили сорок дней.

Охнул конюх, узнав ребят,
В грудь ударила боль тупая.
— Стойте! — яростью закипая,
Крикнул. — Стойте, вам говорят! —
Подскочил, хватил по плечу
Ездового и вырвал вожжи.
— Марш с телеги сейчас же! —
С дрожью
Крикнул парню. — Штаны спущу!
У-у, работнички. Бить бы вас...
Трогай, милая. — И с разбегу
Неуклюже вскочил в телегу
И вожжами тряхнул Тарас.

Дождь забрызгал. И он промок.
Ехал, правил и все ругался.
И жалел о том, что остался
Бабкин в тумбочке узелок.

РАЗГОВОР С ПОПУТЧИКОМ

Е. И. Макаровскому

Край наш — это верно, брат, —
Виноградом не богат.
И земля у нас сырая,
И болота широки.
Но на свете лучше края
Нет, считают земляки.

— Хорошо у нас в краю, —
Сами шутят, — как в раю!
Клюквы, луку да рябины
Отродясь не переесть.
А брусники да малины,
А черники — и не счесть.

Верея от ворот —
Вот какой у нас народ!
Плечи в сажень, грудь горою.
Пальца в рот им не клади.
На работе землю роют —
Был, так видывал, поди.

Ваших, коль молва не врет,
На работе дрожь берет.
А у наших пышут лица
От жары — не похвальба.
Наши в стужу рукавицей
Утирают пот со лба.

Рубят, брат, не байки бают...
Но зато и за столом
Щи да кашу подметают
Ложкой, словно помелом.

А когда за самовары
Сядут (солono солят!),
Пьют, покуда клубы пара
Из сапог не повалят.

Сахар есть — внакладку пьют,
Вышел весь — вприглядку пьют.
Пьют с малиной,
Пьют охотно
С клюквой — ягодой болотной.
Потому как виноград
Здесь не зреет. Верно, брат.

Но ведь мы вперед глядим,
Сложив руки не сидим.
Кое-где и в нашем крае
По весне цветут сады...
А короче — хватит хаять
Край наш, не было б беды!

НЕ ВИДАТЬ ЕЕ ОДНОЙ

Чуть не каждый вечер с Фросей
Мы встречались у ворот.
Счастлив был я. Но под осень
Все пошло наоборот.
Собралась и укатила
Раз на выставку она.
Каково в те дни мне было,
Знают звезды да луна.
Тосковал я, портил нервы,
А она — ну, как не лень! —
Возвратилась и на ферму
Убежала в тот же день.
Стены все сама, как надо,
Побелила добела
И в свинарнике порядок,
Как в аптеке, навела!
И, понятно, где какие,
А у Фроси все подряд
Поросята деловые,
Как в районе говорят.
Стыдно свиньями, пожалуй,
Поросят таких назвать. . .
Поработала немало

Фрося — надобно признать.
А в любви не стало ладу:
День мы врозь и вечер — врозь.
За последнюю декаду
Семь свиданий сорвалось.
В клуб приду — девчата пляшут,
Не видать ее одной.
Есть причина людям нашим
Издваться надо мной.
Пристают ко мне ребята:
— Отчего печальным стал?
Неужели к пороссятам
Фросю ты приревновал? —
Что им скажешь в оправданье.
Ухожу, краснея, прочь.
Сорвалось опять свиданье,
Нечем горюшку помочь.

ИСКРА

Как немного сердцу надо!
Ничего не говорил.
Только сел со мною рядом,
Только сел и закурил.
Закурил, вздохнул глубоко,
А не высказал — о чем?
Только раз плечом широким
За мое задел плечо.
Вот и все.

Кружились пары.
Тополь вздрагивал, высок.
И курил, и сыпал парень
Искры желтые в песок.

Много раз ложились росы
С той поры на берегу,
Но дымок от папиросы
Все забыть я не могу.
Все мне снится мой желанный!
Ах, зачем, — клянусь его, —
Закурил он бесталаный
Возле сердца моего!
Для чего он сыпал ворох

Желтых искр?

Ему ль не знать,
Что девѣйчье сердце — порох,
Что огня не миновать!

ХОЖУ ПО БЕРЕГУ ОДНА

Песня

Плывут над речкой по ночам
Туманы за туманами. . .
Любить он вечно обещал,
А кончил все обманами.

Хожу по берегу одна,
Гляжу, а все не верится,
Что рядом с ним теперь она —
Нежданная соперница.

У всей деревни на виду
Он согревает плечи ей.
Кричат про девичью беду
Коростели заречные.

А ведь бывало все не так —
Ты помнишь, речка Вологда? —
Мне отдавал он свой пиджак,
Меня берег от холода.

Я застегну воротничок,
Из дому выйдя вечером:
Теперь на серый пиджачок
Надеяться мне нечего.

САД

Раз случилось:
за ворота,
за тесовый палисад,
без печали и заботы
летним утром
вышел сад.
Топал он —
за парой пара —
по асфальту тротуара.
Топал мило и беспечно,
топал, что-то лепеча.
И ласкался ветер встречный
то к пшеничному колечку,
то к косичке до плеча.

Оглушая шумом шинным,
обгоняли сад машины.
Люди шли.
И, диво прямо, —
узнавали деревца:
это —

явно было в маму,
то —
две капельки! —
в отца.
Эта —
белая березка,
этот —
маленький дубок...
Сад дошел до перекрестка
шумных улиц — двух дорог.
И, конечно, было надо
перейти дорогу саду.
Просто это —
и не просто...
Руку вскинул старшина —
и над шумным перекрестком
воцарилась
тишина.
Стихли сильные моторы,
транспорт встал на тормоза.
И веселые шоферы
саду
глянули
в глаза.
И чему-то улыбнулись
из кабин, с обеих улиц.
Улыбнулся люд прохожий,
улыбнулся поставой.
И откуда сотней ножек
шлепал
сад
по мостовой, —

все стоял, как добрый вестник,
вскинув руку, старшина.
И машины тронуть с места
не посмели —
ни одна!

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Сергею Орлову

Ликбез припомнился сейчас мне.
Тогда меж делом, на дому,
Учились люди... Я причастен
И сам к учению тому.

По вечерам, как на работу,
Заботу ведая одну,
Я шел учить письму и счету
Авдотью — мельника жену.

Светились избы мутным светом.
Я шел, достоинство храня,
Нарочно мимо сельсовета,
Чтоб люди видели меня.

Совсем малыш еще, нимало
Не обижался я на то,
Что мне Авдотья помогала
И дверь открыть, и снять пальто,
Даря при этом мне улыбку...

А я садился у окна
И ждал, покачивая зыбку,
Пока обрядится она.
Я ждал. Она дрова носила,
Гремела ведрами в углу.
Потом брала на руки сына
И подвигалась с ним к столу.

Стихал, на радость мне, мальчишка,
Поймавши розовый сосок.
А я давал Авдотье книжку,
И начинался наш урок.

Урок. Теперь уж чувств тех самых,
Наверно, я не передам,
Когда впервые слово *МАМА*
Она читала по складам.

Когда, старания и веры
Полна, она в свою тетрадь
Писала трудные примеры:
И дважды два, и пятью пять...
Мы с нею многое умели,
Мы с нею многое могли.

Но приходил с работы мельник,
Весь, до бровей, в мучной пыли.
Авдотья тотчас убирала
Свою тетрадку и, пока
Он мылся, быстро накрывала
Нехитрый стол для мужика.

— И ты поел бы, скоро —
восемь. .

И угощала пирожком.
И подпоясывала после
Меня отцовским ремешком,
Совала в руку мне конфетку. . .

И я, идя домой, опять
Решал, какую же отметку
Авдотье выставить в тетрадь. . .

Сегодня мимо сельсовета
Я шел с мальчишками. И вот,
С чего, не знаю, вспомнил этот
Поры недавней эпизод.

ЛЕДОХОД

В. Дементьеву

Я дьявольски люблю его работу —
Неукротимый ход воды и льда.
Что мне напоминает он?

Пехоту,
Штурмующую крепости, когда
Отваге тесно на широком поле,
И цепи не редуют — их все боле, —
И наша сила верх-таки берет!..

Штурмуют льдины мостовой пролет!
Идут — и гулом ход их отдается.
Идут серединой взбешенной реки.
Идут

прорваться
или расколотся
О непоколебимые быки!

Туман как пыль похода над рекою...
Не всякому — о нет! — дано такое:
Вот эта правит к берегу, а та

Уже на кочке около моста
Угрюмо наслаждается покоем.

Лежит... А льдины, мимо проплывая,
Сшибаются, взлетают на дыбы.
Лежит, еще сама не созная
Жестокою иронию судьбы.

Счастливая? Но счастье в чем —
растаять?!

Ведь ей дано, по совести, одно:
Исчезнуть преждевременно, оставив
После себя лишь грязное пятно.

Вот так и жизнь. Она необратима:
На кочку сел — и все промчится мимо...

О ледоход! Штурмуй пролет моста!
Мне по сердцу твоя неукротимость,
Напористость твоя и прямота!

РАБОТА

Мой дядя — отменный коваль. Но знает
любой в колхозе,
что, если нужда заставит, он сможет
поставить дом,
и печку сложить сумеет, и сможет согнуть
полозья,
да так, что перед народом не стыдно будет
потом!

Над самым мудреным делом он весел
и самовластен:
кует — молотком играет, стругает — как
песнь поет.
Глядят на его работу и ахают люди:
«Мастер!»
А «мастер» хохочет только, со лба утирая
пот.

За что ни возьмется дядя — одна у него
забота:
чтоб вещь не уродцем хилым глядела,
а молодцом!

Спасибо тебе, герой мой, читатель и добрый
критик!
Я верю тебе. И счастлив я буду, когда
смогу
сказать о стихах, не прячась: моей работы,
смотрите!
И глянуть в глаза открыто товарищу
и врагу!

ПОЭМЫ

ПО ПРАВУ ЗЕМЛЯКА

Я жил на родине все лето
В одной из дальних деревень,
Куда московские газеты
Приходят лишь на пятый день.

Зеленой дремой околдован
Лесов величественных,
Там
Себя я чувствовал как дома,
Бродя по памятным местам.

Что мне неведомые страны!
Мой отчий край — моя судьба.
Пойду в луга — по пояс травы,
Пойду в поля — по грудь хлеба!

В «Заре», родной моей артели,
Ревнивым сердцем земляка
Я узнавал во всяком деле
И ум и волю вожака.

И мне, как дважды два — четыре,
Понять не стоило труда,
С чего поля здесь стали шире
И многочисленней стада;

С чего на швейные машины
В сельмаге местном вырос спрос;
С чего на танцы
В крепдешинах
Здесь бегать нынче повелось.
А сколько добрых новостроек
Мне показал колхоз «Заря»!

И был лирически настроен
Я, откровенно говоря.
И собирался, помню, даже
Поэму радости начать.
Но, видно, сердцу не прикажешь,
Какими струнами звучать.

А вышло так. Уже под осень,
Когда кончался обмолот,
В «Маяк», к соседям, довелось мне
Попасть негаданно на сход.
Маяк! Словечко-то какое!
Скажи — и вспыхнет огоньком.
Маяк — и нет тебе покоя,
Маяк — и видно далеко!

Но, скажем прямо, в этом смысле
Сосед наш выглядел не так:
Был в отстающие зачислен
Давным-давно колхоз «Маяк».

Шутил порой народ досужий
В районе:
мол, для «Маяка»,

Чтоб он светил,
Смотритель нужен
С душой и хваткой моряка!
Но на «смотрителя» такого
Все не фартило «Маяку».

То попадется бестолковый
И правит, лежа на боку.
Едва спихнут его, как снова
Такой, бывало, попадет,
Что ничего, кроме спиртного,
И в рот, пожалуй, не берет.

Беднел «Маяк». И глохли пашни.
И что ни год — росла беда.
И огонек на белой башне
Потух, казалось, навсегда.

Но вот, весной, как раз в ту пору,
Когда последний таял снег,
В «Маяк» на лодочке с мотором
Приехал новый человек.
Посланца города большого
(Была дорога далека)
По-русски, с чистою душою
Встречали люди «Маяка».

С тех пор прошло почти два года.

Была ненастная погода,
Когда я полем, без дорог,
Насквозь промокший, шел со схода

Домой, на дальний огонек.
По небу, черные, угрюмо
Неслись стадами облака.
А я все шел, все шел и думал
О новых бедах «Маяка».
Не повезло соседям снова.
Я с болью в сердце увидел,
Что «Маяка» «смотритель» новый
Больших надежд не оправдал.
Мне не легко писать об этом,
И вы поймете почему.

Горели лампы тусклым светом
В густом махорочном дыму.
Сидели бабы на скамейках
Плечом к плечу, лицом к столу.
И трактористы в телогрейках
Курили, сидя на полу.
И пахло в комнате мазутом
От ватных плеч. А за стеной
Уже, наверно, восемь суток
Шел дождь, осенний, проливной.
Дождь, дождь. . .
А рожь еще в суслонах.
Дождь. А пшеница на корню.
А над пшеницею вороны.
И нет доверья к трудодню!
И валится из рук работа.
И горько лечь,
И трудно встать,
И нет, и нет былой охоты
В трудкнижках «палочки» считать.

А ведь считали, как известно.
Считали, верили пока,
Что председательского места
Достоин гость издалека!
С надеждой думали сельчане,
Что он полюбит край лесной
И съездит в город за вещами,
А там, глядишь, и за женой.
И приживется понемножку.
А он ни крышей между тем,
Ни даже собственной ложкой
Обзаводиться не хотел.
Спал на полу — и был доволен...
А скоро слух прошел о том,
Что он давно опасно болен
Болезнью, редкою притом,
Что воздух здешний,
Климат здешний
Не для него. И потому
Вернуться следует, конечно,
В пределы города ему.

Тянулись сумрачно недели.
Больной хандрил, больной худел.
И хоть, считалось, был при деле,
Но к делу явно не радел.
И, хвори той поняв причину,
Народ решил, что ни к чему
Тут беспокоить медицину,
И взялся сам помочь ему.
И было созвано собрание.
И только сели вокруг стола, —

Изба упреками и бранью
Буквально взорвана была.
Ему кричали с места вдовы
Наперебой, что в дни войны
Они хватили лиха вдоволь
И лучше жить теперь должны.
И даже дед, седой и грузный,
Поднялся, чтоб ему сказать,
Что раз уж он назвался груздем.
Так должен в кузов залезать,
Вникать в работу с интересом,
Беречь артельное добро;
Что торговать колхозным лесом
Да ссуды кланчить не хитро.
На деле так оно и было:
Долгам не виделось конца.
И дед сказал об этом с пылом
Не ради красного словца.
Не для того, чтобы обидеть, —
Старик имел другую цель:
Как весь народ, хотел он видеть
Иной, чем есть, свою артель.
Чтоб деревенские посадки
Стояли — любо поглядеть!

Все есть для этого, лишь надо
Расправить крылья — и лететь!
Чтоб даже в этом сельсовете,
В глуши медвежьего угла,
Плотинам,
                                спутникам,
  ракете

Жизнь ответственна была!
Чтоб правда века стала правдой!
За тем, доверьем облечен,
И был в тот трудный год направлен
В деревню северную он.

Слов нет, нелегкою задача
Была. Зато какой размах!
Но он на все глядел иначе,
Одно испытывая: страх.
Что слава подвига? Что деньги?
Ему служить бы да служить
В богозабытом учрежденьи,
А вышло — «голову сложить».

Поехал! Сколько было шуму:
Наш доброволец! Наш герой!
Друзья ему купили шубу:
Носи, мол, дуй тебя горой!
Супруга, справившись с испугом, —
Беда случилась в первый раз —
Его мешок набила туго
Мукой и сахаром — в запас,
Купила масла, яблок, сыру
И, перед тем как проводить,
Сказала: — Деньги за квартиру
Не забывай переводить...

И поезд тронулся на север.
В тайгу!.. И вот уж на вагон
Леса угрюмые насели

Со всех сторон, со всех сторон.
Сошлись несметными полками.
Едва деревни там иль тут
Их кое-как порастолкали —
Они опять к деревням прут!
По буеракам и канавам
В поля крадется березняк,
В луга влетает конной лавой
В сверканье сабельном ивняка.
И, смотришь, там, где плуг работал,
Теперь лесок шумит, сквозя.
Где стог, бывало, ставил кто-то,
Теперь косой махнуть нельзя.
А сколько троп позарастало,
Дорог лесных — пройдешь не вдруг.
Не то, чтоб меньше бричек стало,
Нет, просто стало меньше рук.
Одни, что рады б постараться,
Взмахнуть секирой над кустом,
Давно уже в могилах братских
Уснули, сложены крестом.
Другие, те, что возвратились, —
И это нет нужды скрывать, —
Другие руки опустились,
Уставши беды бедовать.
И вот покрылись лесом пашни...
И, нашей взвинчены бедой,
Враги злорадствовали наши,
Бичуя наш колхозный строй.

Но, их выслушивая фразы,
Мы знали: строй тут ни при чем.

Он был нам временем подсказан,
Завещан нашим Ильичем.

Мы

мощь его за эти годы
Познали! Если б не война,
Теперь забыла б недороды
Моя лесная сторона.

Так вам ли, недруги, подсудны
В огне сгоревшие года?!

Мы с нашей болью многотрудной
И сами сладим, господа!

Пускай в мозолях наши ноги,
В кровоподтеках кулаки,
Но мы

строители дороги,
И мы же —

первоходоки!

И вы не тратьте зря усилий —
Мы все равно пойдем вперед!

Дул вешний ветер над Россией.
Снег оседал.

Ломался лед.

И по распутице весенней,
Сойдя с гремящих поездов,
Спешили в дальние селенья
Посланцы шумных городов.

Подвластны общему движенью,
Они с решимостью бойцов
Шли, чтоб вступить с нуждой

в сражение

И победить в конце концов!

О них

                    сложить мне песню б надо,
Веселой строчкой прозвенев.
Но в сердце горькая досада,
И боль давнишняя, и гнев.

Глаза закрою — вижу снова:

Гудит та сходка, горяча.

И режут люди правду,

Слова

Поделikatней не ища.

А он? Что мог он им ответить?

Взглянуть не смея на народ,

Сидел он, будто бы раздетый,

Сидел, воды набравши в рот.

Но вот, трусливо горбя спину,

Он встал, качнув табачный чад,

И, отыскав в кармане, вынул

И положил на стол печать.

Печать. Она одна два года

И утверждала только связь,

Связь, так сказать,

                    его с народом. . .

И эта связь оборвалась.

И он уехал из селенья.

Уехал — кончилась игра —

Без лишних мук, без сожаленья,

Как с постоянного двора.

Осенний дождик падал косо,

Вода плескалась в колее,

И, как тележные колеса,

Вертелись думы в голове.
Дрожа от стужи окаянной,
Окоченевшею рукой
Он под полой пальто неожиданно
Нащупал книжицу
С тоской.
Она, засунута глубоко,
Через подкладку пиджака
Вдруг обожгла его упреком
Напротив левого соска.
И запылала с сердцем рядом,
Напоминая вновь ему
О принадлежности к отряду
Борцов, готовых ко всему.
Борцов, что смело в битву вступят
Там, где другим не по плечу,
Борцов, что меряют поступки
И жизнь свою

по Ильичу!

И понял он, что книжка эта,
Хотя она еще лежит
В его кармане, но с рассвета
Ему уж

не принадлежит.

Перебирая в мыслях даты,
Сейчас припомнил он опять
Тех коммунистов, что в тридцатых
Ушли колхозы создавать.
Посланцы фабрик и заводов,
Они, решимости полны,
Страницу славную в те годы
Вписали в летопись страны.

Себя представив рядом с теми,
Он зябко съежился в пальто,
Подумав: дескать, наше время,
Что ни толкуй, уже не то...

Да, наше время — спору нету —
Не то.

Как пуля из ствола,
Оно несется,
                                как ракета,
Что нами пущена была!
Мы чтим коленопреклоненно
Те

                                знаменитые года,
Но, может, подвиг дерзновенный
Сейчас нужнее, чем тогда!

Огромна наших дел нагрузка.
И чтоб свершить их до конца,
Нужна не только сила мускулов, —
Нужны горячие сердца!
Нужны сердца высокой пробы,
Полету времени под стать,
Какие дрогнут,
                                значит, дрогнут,
Чтоб вовсе биться перестать!

Нет, не утратили мы твердость
Сердец и мхом не обросли.
Как никогда, быть может,
Гордость

Мы в наше время обрели!
В ней всё:

задор и жажда боя.
А бой не знает тишины!

И мне, пожалуй, жаль героя,
Коль глянуть с этой стороны.
Да, он своей добьется цели,
Вернется в город. И опять
Привыкнет нежиться в постели,
В семь просыпаться, а не в пять.
И будет знать, зевая сладко,
Что не ему бежать с утра
В бригады, где людей нехватка,
В поля, где тонут трактора,
В луга, где бабы ставят копны,
А небо в грозовом дыму...
Бранить их за нерасторопность
И злиться —
тоже не ему.

Приняв смиренно осуждение,
Он вновь отыщет бережок
В богазабытом учреждении,
Коль бог ту заводь бережет.
Получит стул, и стол, и ящик,
И будет так же, как вчера,
На исходящих и входящих
Прилежно ставить номера.
Он будет вовремя обедать,
И впрок ему пойдет еда.

Все так. Но радости победы
Ему не знать уж никогда!
Той самой радости, какая
Упасть солдату не дает,
Когда он, рану зажимая,
Воды шеломом зачерпнет
И, потный, досыта напьется,
Потом с лица отмоев грязь...
И вдруг беззвучно рассмеется,
И слез не сдержит. В первый раз.

1958

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

*Памяти Федора Ивановича
Панферова*

Ненюгожая ночь

Полночь.
Спит широкая тайга,
В синие укутана снега.

На бору, подальше от дороги,
Чтобы не напал никто на след,
Мертвым сном в дымящейся берлоге
Спит медведь — тяжелый домосед.

Под крыло
                    бровей попрятав дужки,
Спят в сугробе теплом на опушке
Сном настороженным косачи —
Черные, как угли из печи.

Белка, разуверившись в земле,
Как в высотном доме, спит в дупле.

Дом скрипит, качается немного,
И в одно открытое окно
Видно, как плывет своей дорогой
Снежных туч седое волокно.
Угрожая теплым южным странам,
Холодом арктическим дыша,
Вестники надменные бурана —
Тучи проплывают не спеша.

Спряталось, укрылось все живое,
Чтобы непогоду переждать. . .
Лишь деревья бурю встретят стоя:
Им не скрыться и не убежать!
Ветер, как наездник дикий, ночью
Налетит на них и заревет,
Обнажит их головы и в клочья
Белые одежды разорвет.
Заморозит голые суставы. . .
Но, случись, не выдержит одно —
Ближнее

                        плечо ему подставит,
И опять подыметсЯ оно,
И опять бороться с ветром будет,
И отступит ветер, с толку сбит. . .

Тучи. Полночь. Спят леса и люди,
Только Анна Павловна не спит.
Разболелись руки к непогоде.
В таз водицы теплой налила,
Окунула — легче стало вроде,
Потушила лампу и легла.

Сон тревожным был
и беспокойным.
Мышь скреблась на кухне.
И со злом

Била вьюга в переплет оконный
Белым обмороженным крылом.
Чудилось: мычал теленок будто;
На крыльце собака грызла кость;
Кто-то плакал...

Ветер перепутал
Явь и сон, спалось и не спалось.
Встала. Спичку чиркнула: далёко
До рассвета... В горницу прошла.
Там Ленушка — дочь ее — спала,
Положивши голову на локоть.
Тихо, словно девочку, бывало,
Шубкою укрыла по плечо,
Подоткнула под бок одеяло:
«Дует как, простудится еще...»
На стекло седое подышала:
Не видать ни зги, сплошная муть.
Повязала туже полушалок.
«Доберусь, — решила, —
как-нибудь».

Шла, сгибаясь. Ветер бесноватый
Рвал из рук фонарик слеповатый.
Тьма качалась. Сапоги тонули.
И снежинки, жая и горя,
Мчались, как светящиеся пули,
В неуютном свете фонаря.
Анна терла варежкой щеку,

Голову от ветра наклоня...
Было жутко, было одиноко
В этом круге мутного огня.
И совсем не верилось, что где-то,
Кроме этих вздыбленных снегов,
Есть проспекты, залитые светом,
С половодьем шляп и пиджаков,
С множеством реклам, авто
блестящих
(Анна это видела в кино).

Ветер. Темнота... Но вот маняще
Впереди затеплилось окно.
Пес залаял где-то очень близко.
— Шарик, милый! Холодно, поди? —
И шагнула в дверь сторожки низкой,
Пропустив собаку впереди.

На дворе

Сторож подбросил в печурку дров,
Вымолвил: — Грейся как след,
Анюта! —
Сказочный домик тепла, уюта
Словно кораблик среди снегов.
Так бы сидеть и сидеть,
В упор
Глядя на пламя, и слушать ветер,
И позабыть обо всем на свете.
Но Анна встает и идет во двор.
Снегу-то, снегу-то вдоль стены!
С крышею вровень сугроб дымится,

Словно громада крутой волны,
Готовой обрушиться и разбиться.
Еле протиснулась: замело
Тропку вчерашнюю и ворота.
А во дворе хорошо, тепло.
Скинула ватник — и за работу.
Тихо, вполголоса, ей вослед,
Словно боясь разбудить соседку,
Что-то свое промычала Ветка,
Шумно вздохнула Орда в ответ.
Насторожилась, привстав, Река,
Ткнулась ноздрями в ладонь Игрушка. . .
— Глупые, нет ничего пока.
Надо же прежде прибрать в кормушках,
Пол хоть немного позамести.

И позабыла Анна за делом,
Что не спала в эту ночь почти,
Что к непогоде в руках гудело.
Было сейчас ей не до себя:
Печь растопляла, таскала сено
И разговаривала любя
С каждой коровой попеременно.
Пахло сено простором полей.
— Ешьте, забавушки, на здоровье! —
И отвечали коровы ей
На своем языке коровьем.

Кончив, стряхнула труху с платка,
Молча прислушалась: вьюга плачет.
И постепенно, издалека,

Вспомнила — было совсем иначе.
Сена ни грамма. Соломой шурша,
Двор надрывался голодным ревом.
Жалко Анюте: кому корова
Скот лишь, а ей — живая душа!
Думала: только б сошел снежок,
Только б проклюнулась в поле травка,
Только сердешных бы на лужок
Выпустить —

там пойдут на поправку.
И дождалась. Потеплело вдруг,
Зазеленело мало-помалу.
Вывела Анна Орду на луг.
Радости сколько! А та упала.

— Доченька, милушка! Вот же, вот
Травка. . . Вставай же, щипли, родная! —
Видит корова, а не встает,
Только мычит, тяжело вздыхая,
Только тоскливо глядит в прогон. . .
Анна травы нарвала — не хочет.
Плыл, в коровьих глазах отражен,
Облачка

белый, как снег, комочек.
Радуюсь внешнему, своему,
Стая грачей над рощей кричала.
И дѣла не было никому,
Что на лугу корова упала.
Горько одной со своей бедой
Было Анюте. Не видя света,
Рухнула наземь рядом с Ордой
И зарыдала: — Да что же это? —

Много воды утекло с тех пор.
Нынче работать — одна отрада:
Корму в достатке, и двор как двор,
И председатель теперь что надо.
Анна довольна. А все же нет-нет
Да и вздохнет, тот день вспоминая...

В окнах поздний вставал рассвет,
И затихала метель ночная.

Вдова-солдатка

Бывало, вспомнишь за беседой
Свой отчий край, свое село —
И вдруг услышишь от соседа:
— Ого, куда вас занесло!
Без вертолета не добраться:
Лес да болото, глушь-тоска...
Там кони и теперь боятся
Автомобильного гудка.
— А я, — другой добавит, — слышал,
Что там медведи дуги гнут.
И летом чуть ли не на крышах
Грибы соленые растут!

Да, соглашался я без спора
(Пускай простят мне земляки),
Есть в наших северных просторах
Еще глухие уголки.
Никем не меряны дороги,
Никем не хожены леса.

Но есть, но в этом есть, ей-богу,
Своя суровая краса!

Мне уголки земли такие
Понять Отчизну помогли.
Там реки — ленты голубые,
Спадающие с плеч Земли.
А камышовые озера —
Ее веселые глаза.
Пьянящ там гулкий воздух бора
И ослепительна гроза!
Там над строеньями, над пашней,
Как волны, катит шум тайга,
Зеленый шум! Там Русью пахнет,
А Русь кому не дорога!
В глуши такого уголка,
В селе Веселая Поляна,
И родилась под осень Анна
Шестой в семействе мужика.
В тот год пошла из уст Андрона —
Солдат брехать не станет зря —
Молва, что сброшена корона
С главы расейского царя.
И сшиблись радость и тревога
Лоб в лоб на сходке у реки,
Где чаще Ленина, чем бога,
Упоминали мужики.

И годы шли. Росла на воле
Девчонка — две косы вразлет, —
Росла она, как в чистом поле
Трава зеленая растет.

Как мать, за все бралась с охотой,
Всему училась до поры,
За клюквой бегала в болото
И за брусникою в боры.
С восьми годов пшеницу жала,
Косить помалу начала. . .
И лишь сама не замечала,
Как для того еще мала
Была она — совсем девчушка!

А стала пятый класс кончать,
Отец сказал: — Ну, вот что, Нюшка,
Довольно — выучилась, чать.
У нас такого грамотея
И не бывало тут, не вру. —
И Анне батькина затея
Пришлась, пожалуй, по нутру.
Ей в поле, в лес — как рыбе в воду:
Чем глубже речка, тем вольней!
И становилась год от году
Она все краше да стройней.
Страдали парни из-за Анны!
В ее задумчиво-туманных
Глазах, сидящих глубоко,
В бровях, раскинутых легко,
В улыбке сдержанной и милой
(Попробуй сердце сбереги!),
В ее походке что-то было
От нашей северной тайги.

Но вот и юность светлым бором
Ушла, гася свои костры.

И вышла Анна замуж скоро
В другой колхоз.

И с той поры
Живет она, вдова-солдатка,
С Ленушкой — дочерью родной —
В деревне заболотной Грядка,
В соседстве с милой стороной.
И все, что светлого бывало
С тех пор

и горького до слез,
Ее души не миновало,
Через нее прошло насквозь.

Когда шумели свадьбы в Грядке,
И снедь валилась со стола,
И вся артель жила в достатке —
И Анна счастлива была!
Когда же кто-то,

с земляками
Простившись, дом свой запирает
И к окнам ржавыми гвоздями
Крест-накрест доски прибивал,
Бросал неубранное поле
И уезжал из Грядки прочь,
Те гвозди сердце ей кололи
И день и ночь, и день и ночь.

И все же рук не опускала
В изнеможении она
И молча ношу поднимала,
Где в пору б трем, — всего одна.
И в диво всем: спорилось дело!

Как грамотей иной пером,
Она уверенно владела
Серпом, иглой и топором!
Таскала плуг по перелогам,
Полола хлебные поля. . .

И ей обязана во многом
Своим цветением земля!

Новость

Все счастливы в жизни отчасти.
А что оно все-таки — счастье?

Путевка на Черное море
В известный в стране санаторий?
Иль, может быть, выигрыш ценный
На ваш лотерейный билет?
Успех у мужчин непрременный?
Квартира московская?
Нет!

Так думает только сутяга.
Есть счастье иное: гореть
Во имя народного блага
И собственных сил не жалеть!
Вполне сознавать, что нелегко
Путь к цели, и все же, устав,
Работать, работать,

по локоть
В пылу рукава закатав!
Пробиться к победе — и снова
Рвануться лицом на рассвет!

Завиднее счастья такого,
Красивее — не было, нет!
Оно расправляет вам плечи.
А главное, главное в том,
Что людям становится легче
От вашего счастья потом!

.. Про Анну твердят неустанно
В деревне не третий ли год,
Что все-таки счастлива Анна,
Что здорово Анне везет.
Надоит всех больше за сутки
Анюта — и все говорят,
Завидуя ей не на шутку:
— У ней не коровы, а клад! —
А премию выдадут —
С жаром
Толкует опять же народ:
— Подумайте, платье задаром
Анютке-то дали! Везет. —
Да вот и сегодня. . . А впрочем,
Сегодня, в разгар многих дел,
Огромною радостью общей
Завьюженный двор прозвенел.
А было все вот как.

С мороза,
Веселый, ввалился во двор
Петров — председатель колхоза —
И начал такой разговор:

— Товарищи, есть новость. . . —
И встал, прищулив глаз. —

На чашку чаю в область
Всех приглашают вас!

— Как так?

— Обыкновенно.

— Смеетесь?

— Не смеюсь.

— А смена?

— Будет смена!

— Клянитесь же!

— Клянусь.

— Не верится, — сверкают
Глазами перед ним. —

Замерзнем: даль такая. . .

— Замерзнуть не дадим!

Чтоб вас в пути-дороге

От стужи убережь,

Я самых быстроногих

Велю коней запречь.

Но, чур! О деле если

Там разговор пойдет,

Вы не роняйте чести!

Мол, не стоим на месте,

А движемся вперед!

Других желаний нету.

Мол, если б не война. . .

И рассказать об этом

Ты, Павловна, должна.

Старый чемодан

Ленушке было не до сна:
Впервой без матери, одна,
Ушла на двор Ленушка.
Тепла еще возле окна
Помятая подушка.

Достала Анна чемодан,
Что сделал муж ее Иван.
На стол поставила.
Рукой
Пыль, позабывшись, стерла.
И острой вдовьею тоской
Сдавило снова горло.

Стар чемодан, а жив пока.
И все как есть на месте:
И эта дужка для замка,
И уголок из жести,
И подпись краской голубой —
Три буквы в ряд и дата.
Не взял Иван его с собой:
Мол, ни к чему солдатам
Багаж фанерный на войне,
Не в гости едем к теще.
— Подай-ка, Анна, лучше мне
Мешок, какой попроще.

Накинул лямку на плечо
И, словно был виновен,
Сказал: — Увидимся еще. . . —
И смолк на полуслове.

Потом она с ним рядом шла.
Скрипел возок уныло.
И долго-долго не могла
Проститься: страшно было.
И все ж настал тот миг.
Вокруг
Цвело, звенело, пело.
Благоухал, не скошен, луг,
Рожь, наливаясь, спела.
И он вздохнул. И закатал
До локтя белый ситец.
И прохрипел — не прошептал —
Сквозь зубы: — Погодите ж!
Вы нам заплатите за все!
За все! Ступай, Анюта... —
И обнял, тихую, ее
И отвернулся круто,
Тряхнув чубатой головой.

И вот сейчас с портрета
Глядит он, как глядел живой
В то памятное лето.
Глядит и словно шепчет ей:
«Прости меня, отрада,
За боль и слезы вдовьих дней
И не тоскуй, не надо.
И рану в сердце не тревожь
Воспоминаньем жгучим.
Ты, в общем, правильно живешь,
Как жить должно живущим.
И если б вдруг сейчас домой
Я чудом появился,

Весь как будто нарисованный —
От ноздрей и до хвоста.

Прячутся от ветра встречного
За спиною старика
Две подруженьки сердечные,
Разрумянившись слегка.
А старик, хоть с виду слабенький,
Натянув вожжу к плечу,
Им кричит: — Держитесь, бабоньки,
Как на свадьбе, прокачу! —
Через поле, краем озими
Правит он: — Ходи, дружок! —
Врезан тонкими полозьями,
Мягкий выюжится снежок.
Под крутой дугой,
губатая,
Пляшет морда жеребца.
И под стеганую ватою
Бабы ёкают сердца.
Страшно им и любо-дорого!
Поле. Снег. Белым-бело...
— Не замерзла ли, Егоровна?
— Что ты, Павловна, тепло!

В санках крепкий запах клевера.
Словно башни, вдоль пути
Встали ели — стражи Севера.
Каждой по сто лет, поди.
Хорошо в санях под сенью их
Прокатиться с ветерком!

Ведь в распутицу осеннюю
Тут с трудом пройдешь пешком.
Даже в пору сенокосную
Через эти вот леса
Не дороженька колесная,
А препятствий полоса.
Пролегла она округою
До райцентра, всем нужна,
Тыщи раз мужицкой руганью
Выстлана, замощена.
Но зато зимою, узкая,
Белоснежная, она
Вся отрада сердцу русскому,
И надежна и ровна!
Пухом стелется дороженька.
В уголок уткнись плечом —
Вспоминай о том, что прожито,
Коли вспомнить есть о чем. . .

Воспоминания

— Гей вы, ну ли! —

И вдоль посада
Кони ринулись, не унять.
Сани кованые что надо,
Дуги крашенные — на ять!
А на дугах — «скупиться неча»! —
Ленты шелковые кипят.
Звон бубенчиков, блеск уздечек,
Суматошный галдеж ребят.
Встречный ветер до боли жалит,
Ветер жжет лицо без огня.

В шубах, в валенках, в толстых шалях
Чуть подвыпившая родня.
А жених — ни к чему и шуба! —
Словно в жаркий день во саду,
Знай целует невесту в губы
У всего села на виду.
Обнимает ее, бесстыжий:
«Пусть завидуют, пусть глядят!»
Алым мехом да чубом рыжим
Гармонист ослепил девчат.

Деревенские бабы чешут
От безделия языки:
— Ну и парень же, ну и леший!
Вот как женятся нонь сынки.
Ни венца, ни божьего страху:
Полюбилась — и покати.
Эку, гляньте, повез деваху,
Эку умницу окрутил!
Проворонили, проглядели
Нюшку наши-то молодцы... —
Анна Павловна! Неужели
Это было?

И бубенцы
Пели, белые от мороза,
Над тобою — слезу утри —
От «Звезды» — твоего колхоза —
И до самой его «Зари»?
Было!

Так же ушами прядал
На бегу жеребец шальной.
И сидел, улыбаясь, рядом

Тот, который тебя отрадой
Звал пока лишь, а не женой.
Как ты, Анна, его любила!
Взгляд отчаянный, чуб черён.
Очень много красивых было
На селе, да не так, как он!
Все дивились, как рядом шли вы,
Замечали за полверсты.
Много было девчат счастливых
На селе, да не так, как ты!

Тетки пели тебе:

— Обиду

Зря родителям не чини.
Пореви хоть чуть-чуть для виду,
Буйну голову наклони! —
Ты не спорила, нет. Однако
Не могла реветь все равно.
Разве могут глаза заплакать,
Если сердце смеха полно!

Без оглядки, легко и смело,
Перешла ты чужой порог
В платье свадебном, в платье белом,
И смеялась потом, и пела,
И плясала не чуя ног!
Не могла ты знать

и не знала,

Каблуками стуча дробней,
Что у вашего счастья мало,
Очень мало в запасе дней.
Что вам горе несет обоим

Грозовой сорок первый год,
Что лежит уж давно в обойме
Пуля та,

что его убьет.

Что война уже на пороге...

(И добро, что нам не дано
Знать, с какою бедой в дороге
Завтра встретиться суждено.)

Отметелила в поле вьюга.
И опять загудел колхоз,
Отшлифованный сталью плуга,
Сталью гусениц и колес.
Пахло лето

здоровым потом,

Стружкой, скошенной травой.
По земле ходила

Работа

С гордо поднятой головой!
Многорукая —

еще дома

Были парни и мужики,
Развеселая —

еще вдовам

Не носил почтальон листки
С черной рамкой...

Ты помнишь, Анна

(Память та тебе дорога),

Как вставали вы раным-рано,

Молодые, и шли в луга,

Как свистели, росой омыты,

Косы ваши...

И как потом
Первый, общим трудом добытый,
Хлеб насущный вносили в дом.
Силой хвастая молодою,
Ставил муж мешок напопа,
Брал и нес его пред собою,
Шаг нарочно не торопя.
Руки мужа!
Они носили
И тебя. И в кольце тех рук
Очень маленькой и бессильной
Становилась ты, Анна, вдруг.
Эти руки могли бы гору
С места сдвинуть!
Все было в них:
Ласка добрая, и опора,
И защита от бед лихих.
И когда их не стало,
Сразу
Там, где трудно было двоим,
Дело всякое без отказу
Стали делать руки твои.
Ох, как ныли они!
А ночью
Непослушным карандашом
Выводила кривые строчки:
«Милый, я живу хорошо.
Ты не думай...»
А за порогом
Сорок дел и во всем нужда.
Хватит, память!
Не слишком ли много?

Всем ведь трудно было тогда.
Ну-ка, дед,
                                натяни поводья!
Ты лети, вороной, лети!
Сколько солнца в тайге сегодня,
Анна Павловна, погляди!
Ели плаваются, словно свечи,
Сосны вскинули шапки ввысь.
Ветер резче ударил в плечи. . .
— Эй, прохожий, поберегись!

В гостях у старого рабочего

Приехала в город Анна
С Егоровной дотемна.
И вот уж гостьей желанной
Сидит за столом она
На этаже четвертом
И чай густой первосортный,
Хозяина слушая, пьет.
(Сбылся ведь разговор-то!
Петров никогда не врет.)
Не знает чему, а рада.
Положит кусочек в рот
Искристого рафинада,
Подует и прихлебнет.
— Ты, Павловна, бы внакладку.
— Ой, что вы! — она в ответ. —
Внакладку-то и не сладко,
Да и привычки нет.

Протяжно и незнакомо,
Под самые облака

Взлетел и поплыл над домом
Рабочий басок гудка.
Хозяин кивнул на стену.
И с гордостью: — Наш поет.
Торопит ночную смену.
Нельзя без того — завод!
Завод! — И вздохнул глубоко,
И вновь повторил: — Завод! —
Как много сейчас бы мог он
Припомнить! . . И тот далекий
Индустриальный год,
Когда здесь сошлись ребята
И, споря со стариной,
Скрестили кирку с лопатой
Над сонною тишиной.
И бросили первый камень
В фундамент, чтоб встал завод
За городом, где веками
Сочилась печаль болот.

А было-то что — не враки:
Хлеб кое-какой, не торт,
Да вонь, да гармонь в бараке,
Да обувь — последний сорт,
Изношенная до дырок,
Да тачки, да фонари,
Да песенка: «Пять — в четыре!»,
В четыре — и хоть умри,
В четыре! Даешь, коль надо!
И с песенкой той в зубах
Долбили землю бригады,
Стеклили окна в цехах.

И ширился, беспокоя
Округу,
                    железный гуд.
Нельзя позабыть такое:
Под сердцем оно, вот тут.
И только обидно малость,
Что годы прошли... что вдруг
Виски побелила старость,
Украла силу из рук.
Мол, хватит, дружок, попрыгал!
А тут и друзья одно:
«Езжай-ка на берег Крыма,
Пора тебе, брат, давно».

Павловна, блюдец с чаем
Поставив, взметнула взгляд:
— И ехал бы без печали,
Родимый, коль говорят!
— Да я бы не против вроде.
И пенсия хороша.
Да вздумаешь о заводе —
И так заболит душа,
Что места себе не сыщешь!
Попробуй-ка тут уйди.
На что мне, Павловна, тыща,
Коль пусто вот тут, в груди.

Твердит про завод хозяин,
У Анны ж перед глазами
Кормушки, полны кормов,
Тугие бока коров
Да маленькие телята —

Потешные сосунки,
Что тычутся глуповато
В ладонь ее узловатой,
Большой, неженской руки.
Ей вспомнился весь коровник
С соломою у ворот —
Приземистый и огромный
Мычащий ее «завод».
И в сердце гулом забота:
«И как там дома и что там?»
Ведь дочь-то не велика.
Хоть по сердцу ей работа,
Да хватка не та пока.
Да и смела не больно...»

А ей хозяин любя:
— Да полно же, Анна, полно
Напрасно томить себя!
Не за моря да горы ведь
Умчалась! Не вешай голову,
Хозяина не печаль.
— Не знаете вы, Егорович,
Разбойниц моих, а жаль.
У каждой свои повадки,
Обиды свои — беда!
Бывает, не в том порядке
Начнешь доить иногда,
А то пропустишь какую:
Мол, стой, провинилась раз!
Ого, как губы надует,
Ого, как нахмурит глаз!
— Не любят критику тоже?

— Да как еще! Вот с Ордой
Порой обойдешься строже —
И сразу сбавит удой.
А сильная — что те лошадь!
Хоть землю на ней паши!
Хозяин у нас хороший,
Скажу я вам от души.
Когда бы не он. . . Да что там!
Совсем другое житье.
В столице самой работал.
Не очень было охота,
Поди-ка, бросать ее.
И мы, когда избирали,
Не верили: убежит.
Болота. Леса. Едва ли
Останется, мол, пожить.
И ясно, что без почета
Встречали — не до того.
Десятым, поди, по счету
Поставили мы его.
С чего начинать, мол, станем?
«Начнем. — говорит, — с коров.
Поправим крыши дворов,
Разбитые стекла вставим,
Корма подвезем. . .»
И верно:
Бывало, чуть рассветет,
А он, раностай, на ферму,
Посмотришь, уже идет.
Расспросит: и чем кормили
Коров-то (а корм худой),
И досыта ли поили,

И теплою ли водой?
Стараемся, как уж можем,
Бывало, мы перед ним.
Едим, что в карман положим,
А спим. . . да почти не спим.
В домах холодина — печи
Не топлены. . . Ну, а он
Про то не заводит речи,
Все больше про рацион.
И я не снесла обиды:
Мол, вы, товарищ Петров,
Спросили хотя б для вида
Про нас, а не про коров.
Пора бы: прошло полгода
(В горячке-то я крута),
Мол, скот-то ведь для народа,
А не народ для скота!
Зима, мол, опять приспела,
А в доме ни чурбака.

Сказала — и пожалела:
Обидела мужика.
Рассердится, мыслю, либ. . .
А он помолчал, вздохнул:
«Ну что же, — сказал, — спасибо!»
И руку мне протянул.
«За что?» — говорю.
Хохочет:
«За ваш хороший урок!»

А вечером Клим Орочев,
Гляжу, мне дров приволок.

«Пеки, Анюта, оладьи! —
Сказал. — Дрова на подбор!»

Негромкий, степенный, ладный,
Люб Аннушке разговор.
Она улыбалась мило,
На плечи платок спустя.
Как дома, легко ей было.
И радостно, как в гостях!

На трибуне

Солнце. Гул голосов людских. . .
Запахнувшись в шубы овчинные,
Из автобусов городских
Выходили доярки чинные.
Обметали снежинки с ног:
Лужа на пол бы не натаяла.
Анна Павловна за порог
Ногу только лишь переставила —
В сорок труб оркестр заиграл,
Засверкала медь ослепительно.
Вправо глянула — генерал
Поклонился ей уважительно.
Удивилась. . . А тот сквозь шум,
Дав понять, что ее касается:
— Раздевайтесь, — сказал, — прошу.
Вы сегодня наш гость, красавица!
— Что ж, — ответила, —
Гость так гость! —
Рассмеявшись легко и весело.
И шубейку свою на гвоздь

В первый раз не сама повесила.
Причесалась (коса пучком),
Застегнула полу жакетную
И с Егоровною рядом
Поплыла по ледку паркетному.
Нет, не треснул он оттого,
Что не туфли, легки и маленькие,
Вдруг обрушились на него,
А подшитые дратвой валенки.
Не померкли люстр огоньки,
Хоть они такого не помнили,
Чтобы ситцевые платки
До отказа ряды заполнили.
Зал зевотою не свело
Оттого, что сердца горячие
Про коров, округляя «о»,
Без смущенья в рядах судачили.
Зал сверкал, рокотал, гудел!
Был красив он красой особою
Рук, потрескавшихся от дел,
Губ, помадой не подрисованных.
Алым светом со сцены в зал
Кумачовое било зарево. . .
Нет, ошибся ты, генерал,
Здесь не гости сошлись —
Хозяева!
Взмыл, как жаворонок стальной,
Колокольчик, и над трибуною
Над внимательной тишиной,
Молодая, почти что юная,
Встала девушка. . . А за ней,
Орденами двумя увенчана,

Щурясь весело от огней,
Поднялась пожилая женщина.
Зал узнал ее. Как обвал,
Грянул в зале оваций вал
От трибуны до входа главного. . .
Стих — и кто-то уже назвал
Имя Анны.
И встала Павловна.
Встала Павловна и пошла
По ковровой тропинке в валенках.
И хоть маленькой не была,
Но глазами зал обвела —
Стала сразу маленькой-маленькой.
И забыла, с чего начать
Собиралась с трибуны речь она.
Вот работала. . . а сказать,
А сказать, выходило, нечего.
Ах ты, горе!
А зал притих.
И совсем не думая, кстати ли,
Помянула подруг своих,
Рассказала о председателе.
И еще, теребя платок,
Цифры выпалила назубок —
И замолкла. . .

А зал в ответ
Бросил гром молодой на плечи ей.

Выше голову, Анна-свет,
Дело вовсе не в красноречии!
Что тебе словес мишура!
Пусть уж в этом хитром занятии

Упражняются мастера —
Записные речетолкатели.

Речь твоя — это ты сама,
В деле скорая, в горе твердая,
В честном споре всегда пряма,
В одиночестве вдовьем — гордая!
Речь твоя — твой нелегкий труд,
Не записана, не размножена.
Но века ее не сотрут,
Но такая она
   дорожке нам!

1957

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

«Друзья!..»	5
Живу на земле	8
Доска почета	11
Деревенское собрание	13
Девчата	16
Весеннее	20
Страда	22
Дружки	24
Веселая рука	27
Погожее лето	29
Парни	32
Бани топятся	35
Строка моя...	38
Песня о друге	40
И моя заслуга!	47
Клевер	49
Княжица	50
По ягоды	52
«Закурить — да бежать»	55
Выбирали пастуха	57
Мать и дочь	60
Шефы приехали	63
Уполномоченный	67
Перед дорогой	69

В городе	72
После войны	74
В доме отдыха	76
Разговор с попутчиком	80
Не видать ее одной	82
Искра	84
Хожу по берегу одна	86
Сад	88
Первые уроки	91
Ледоход	94
Работа	96

ПОЭМЫ

По праву земляка	101
Трудное счастье	115

Викулов Сергей Васильевич

ХОРОШАЯ БУДЕТ ПОГОДА

Редактор *В. С. Субботин*

Художники: *К. А. Павлов, К. С. Никифоров*

Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*

Техн. редактор *Л. А. Большакова*

Корректор *Л. Н. Морозова*

Сдано в набор 24/XII 1960 г. Подписано в печать 9/II 1961 г. Формат бумаги 70×92¹/₃₂. Печ. л. 4⁵/₈ + 1 вкл. (5,42)
Уч.-изд. л. 4,77. А 00763 Тираж 5000 экз. Заказ № 2216.
Цена 30 коп

Издательство «Советский писатель»
Москва К 9. Б Гнездниковский пер. 10

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград. Красная ул., 1/3

300

30 π.